

Дмитрий Быков
Из книги *Подъём. Стихи*
2024–2025 годов и пьеса

Если мать или родина — то, извините, мать.
Во враждебной среде мать учила меня стараться,
Гнуть свою линию, но никогда — ломать;
Вообще развивала во мне способности, а не рабство.

Если Бог или родина — то, извините, Бог.
Было время, когда он веял в любом пейзаже,
Но поднялся, как голубок, укатился, как колобок:
Без нее он тот же, она без него не та же.

Если я или родина — то, несомненно, мы
Неразрывны и схожи: поземка, тревога, пустошь,
Безлюдье, бесчеловечность, канун зимы.
В темное время не хочешь, а перепутаешь.

* * *

Всё, что меня не убивает, — делает меня сильнее,
Но что не убивает меня?
Горы, водопады, аллеи, пустыни, Альпы, Пиренеи,
Антарктиды ледовая броня,

Бесчестье торгующего Юга, бессердечье родной Гипербореи,
Терпенье верблюда, прыть коня,
Пигмеи, плебеи, берендеи, туземцы, масоны и евреи —
Всё, всё убивает меня.

Каждый лишайник на камне, каждый цветок в оранжерее,
Безмолвие ночи, скрежет дня,
Тягучее безвременье ленивей, текучее время — скорее,
Но оба убивают меня.

Скарабеи, скорпионы и змеи, дурман анаши и романеи,
 Рабов и хозяев толкотня!
 И всё, что меня убивает, делает меня сильнее —
 Но зачем мне всё это без меня?

Должно быть, для будущей жизни, которая гораздо страшнее,
 Чем этот опостылевший свет,
 Поскольку здесь ещё случаются дольки, ямбы и хорей,
 А там уже и этого нет.

ПИАНИСТИЧЕСКОЕ

Что музыку пересказать нельзя —
 Я знаю сам. Но, скажем, Бах-Зилоти,
 Прелюдия: хоть сотню раз, друзья,
 Меня вы дилетантом назовете,
 Но там про то, как в сумерках, весной,
 В апреле, — час шестой и класс шестой, —
 Подзадержавшись, я иду из школы,
 Ни листьев, ни цветов покуда нет —
 Все только что подтаяло, ну что вы, —
 И все равно уже весенний свет,

Весенний дождь, и воздух пахнет раем, —
 И будущего, кстати, мы не знаем,
 Хоть мир вокруг уже идет на слом,
 Сползает в ад, и защититься нечем,
 Поскольку он пропитан и подсвечен
 Ломящимся наружу скучным злом;
 Иду я вдоль хрущевок и помоек,
 Вдоль красного сырого кирпича,
 А здесь же и сосед мой параноик,
 Привычно под нос что-то бормоча;
 Но вдруг он улыбается, и лужи
 Вдруг светятся янтарно, как вино:
 Вся музыка — о том, что будет хуже,
 Но дальше будет лучше все равно.

Иль Итальянский, часть вторая, — там,
 Где мокрый снег сползает по кустам,
 На желтых окнах тюлевые шторы,
 День пасмурный и вязкий. Скоро три.
 Четвертый класс, и я иду из школы.
 Того гляди зажгутся фонари.

Декабрьский воздух, вязкий и тяжелый,
Наполнен ожиданьем. Снегири
Сидят на ветках. Пахнет новым годом,
Каникулами, плавным переходом
В грядущий ад и праздником в аду, —
Но все пройдет, такое там анданте,
Что все пройдет, и вообще отстаньте,
Не видите — из школы я иду!

Все кануло, ничто не изменилось,
Полвека улеглось в одно тире,
На красные хрущобы Божья милость
Течет с небес в апреле, в декабре,
Все дышит адом, ад подсвечен раем,
Меняясь, мы ни йоты не меняем —
Всем спутникам, всем кланам изменя.
Закат всегда мне был милей рассвета,
Как осень и зима милее лета,
Или верней, как кот милей коня.
Сюиты, фуги, вальсы, фарандолы —
Всегда о том, как я иду из школы
Под мокрым снегом на закате дня.
Вся музыка — всегда о Перемышле,
Границе, перемычке, передышке
Меж скучных мест, где мучают меня.